

Аннотация доклада М.Ю. Михеева
«Текстология диалектной лексики у Шолохова и Крюкова»
(Центр текстологии и стиховедения ИРЯ РАН, 2 июня 2011, 17.30)

В докладе, который можно считать продолжением прошлогоднего, сделанного в Центре текстологии и стиховедения в июне 2010, предполагается рассмотреть основные направления правки рукописи «Тихого Дона» (ТД), каковыми докладчик считает внесение в роман Шолоховым дополнительных диалектных, просторечных и как бы народных черт, увеличивающих «орнаментальность» текста, – с тем чтобы он по возможности менее ассоциировался у читателя-современника с произведениями умершего в 1920 донского писателя Федора Крюкова, сходство с идеостилем которого иначе бросается в глаза.

Докладчик отвергает как чересчур «максималистские» и недостаточно обоснованные, по его мнению, следующие точки зрения «критического» шолоховедения:

1) точку зрения писателя Юрия Кувалдина (с ней как будто солидарен и Андрей Чернов): Шолохов вообще ничего не писал, а те, кто говорят, что он что-то там заимствовал, что-то использовал, глубоко заблуждаются: он не принимал участия ни в одной операции по работе с текстом http://lit.lib.ru/k/kuwaldin_j_a/text_0100.shtml;

2) историка А.В. Венкова (с которым солидарен и А.Г. Макаров): ТД – это результат коллективной согласованной деятельности группы авторов во главе с Александром Серафимовичем, целью которых было создание нового «советского Льва Толстого» [выражение М.Зощенко, обращенное не напрямую к проблеме авторства романа, но к нему, на мой взгляд, вполне применимое – М.М.], <и эта законспирированная писательская шарашка работала по заказу ГПУ-НКВД или самого «хозяина»?> [угловыми скобками помечаю мое собственное предположение-вопрос, обращенное к названным исследователям],

3) точку зрения Зеева Бар-Селлы (с ней как будто солидарен и Леонид Кацис), что в написании «проторомана» ТД наибольшее участие принимал Виктор Севский, он же Вениамин Краснушкин...

Существуют и другие гипотезы, но из пересматривающих устои официального шолоховедения основные – именно эти. В разных их вариантах предполагается, помимо сказанного, что а) «автор», таким образом, сам не редактировал текст ТД, а печатал его в журнале напрямую с чьей-то чужой рукописи (в данном случае даже неважно, чьей именно – Крюкова ли, Севского, Серафимовича, Громославского или кого-то еще): в результате редакция носила поверхностный, а вовсе не творческий характер, обнаруживая, в частности, низкий уровень знаний и грамотности писавшего (за что Шолохова презрительно именуют «переписчиком»); что б) найденная Львом Колодным рукопись ТД была изготовлена лишь

задним числом, только для комиссии РАППа в 1929 году, когда были опубликованы уже пять из восьми частей романа, и у многих читателей возникли сомнения в его авторстве; при этом в рукопись были намеренно вставлены поддельные даты работы над ней (1927 и 1928 гг.), а главное – сфальсифицирована сама "творческая" правка текста, для чего взяты разные варианты из имевшихся под рукой текстов, принадлежавших на самом деле одному или нескольким «первоначальным» авторам: этих рукописных копий, с которых набирался текст в типографиях, было, как утверждает, целых три: опубликованные в первый год варианты текста (в журналах «Октябрь» и «Роман-газета», а также вышедшие отдельными изданиями в 1928-1929 гг.) разительно расходятся между собой, позволяя утверждать, что они напечатаны с разных копий...

На мой же взгляд (докладчика) очевидно, что основная часть текста, 1—5 части рукописи ТД, изданные факсимильно в 2005, с правкой в ней (фиолетовыми, черными, красными чернилами и карандашом) принадлежат Шолохову, некоторые из беловых вариантов написаны рукой его жены и ее сестер (что и утверждалось Ф. Кузнецовым). Ни у одной из перечисленных выше точек зрения (1-3 или а-б), по моему мнению, нет достаточных оснований: в своем докладе я постараюсь привести доводы в пользу этого. Точка же зрения Роя Медведева, что при написании ТД (особенно первых книг, по убыванию) в максимальной степени был использован текст Крюкова, хотя при этом весьма существенно переработанный Шолоховым, кажется мне наиболее адекватной. Я использую также соображения Савелия Рожкова – о том, что во многих местах рукописи возможно усмотреть попытки «нового автора» скрыть следы своих заимствований у автора первоначального. Но был ли последним уже написан к моменту своей гибели, в 1920 г., весь роман – или «новый автор» контаминировал в своем тексте разные подготовленные его части, заготовки, черновики и отдельные самостоятельные тексты Крюкова, хранившиеся в архиве писателя и попавшие в руки Шолохова, на сегодня сказать невозможно – как и в 1973 г., когда Солженицыным было опубликовано исследование «литературоведа Д*».

При этом докладчик опирается на положения, изложенные ранее в его статьях:

Михеев М.Ю. Компиляция или... языковые клише? Сравнивая характерные для авторского стиля наборы словосочетаний // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2010». Вып.9(16). М. 2010, с.340-349. <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/52.htm>

Рукопись «Тихий Дон»: один или два автора? // Международная конференция «Маргиналии-2010: границы культуры и текста» (Каргополь, 24-27 сентября 2010). Тезисы докладов. М. 2010, с.158-162. <http://uni-persona.src.msou.ru/site/conf/marginalii-2010/thesis.htm>

«Тихий Дон» и тексты Ф.Крюкова (повтор слова и повтор метафоры: измерение специфичности) // Русская антропологическая школа. Труды (К 80-летию академика Вячеслава Всеволодовича Иванова). Вып. №6, М. 2009, с.272-283.

Мера метафоричности в лексиконе писателя (к определению идиостиля романа «Тихий Дон») // Язык как медиатор между знанием и искусством. М. 2009, с.56-65.